

К 250-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА

О.С. Крюкова

И.А. КРЫЛОВ И ЕГО БИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ

Аннотация. В статье предпринята попытка выделения важных элементов крыловского биографического мифа. Существование биографического мифа находит подтверждение в литературных анекдотах о Крылове и в именовании (мифеме) «дедушка Крылов». Устойчивое выражение «великий баснописец» также является мифемой. Крыловский биографический миф закреплен в живописи и в скульптуре и поддерживается беллетристизированными и научно-популярными биографиями И.А. Крылова.

Ключевые слова: биографический миф; творчество И.А. Крылова; литературный анекдот; басня.

Krukova O.S. I.A. Krylov and his biographical myth

Abstract. The article highlights some important elements of I.A. Krylov's biographical myth. The existence of the biographical myth is confirmed in literary anecdotes about Krylov and in the naming (mytheme) «grandfather Krylov». The stable expression «a great fabulist» is also a mytheme. I.A. Krylov's biographical myth is fixed in painting and sculpture and is supported by fictionalized and popular scientific biographies of the writer.

Keywords: biographical myth; I.A. Krylov's creativity; literary anecdote; fable.

Биографический миф о писателе – это значимый элемент как литературного процесса в целом, так и массового сознания. Т.Б. Шеметовой принадлежит достаточно широкое истолкование этого литературного феномена: «Биографический миф – это миф Нового времени, который не может существовать без своего

субъекта – автора, осознающего первоначальную версию собственной судьбы, которая затем многократно переосмысливается как массовым сознанием, так и художниками, исследователями. ... Он не является порождением коллективного бессознательного, напротив, именно коллективное сознание в различных формах вновь и вновь воспроизводит биографический миф» (8: 2–3). В русле биографического мифа представления о личности писателя складываются из его собственных суждений (автомиф), художественных биографий, произведений литературы и искусства, фильмографии и т.п.

Применительно к И.А. Крылову литературоведческий термин «биографический миф» может пониматься как некая метафора. Подробности биографии великого баснописца в общественном сознании редуцировались до литературных анекдотов. По словам П.А. Плетнева, «трудно найти человека, жизнь которого была бы до такой степени обогащена анекdotическими событиями, как жизнь Крылова» (цит. по: 4: 195). Современный биограф Крылова, М.А. Гордин, полагает, что «Крылов уже при жизни воспринимался современниками как литературный персонаж (позже наименованный Вяземским “дедушкой Крыловым”, герой целого ряда анекдотов, биографической легенды с устойчивым набором мотивов» (3: 182).

Автомиф, который создал сам баснописец, немало способствовал распространению литературных анекдотов о Крылове. Слух о крыловской лени и неряшливости настолько укоренился в литературном окружении баснописца (начиная с 1820-х годов), что стал восприниматься как отражение реальности. Но бытовое поведение Крылова было связано и с его литературной стратегией, на что указывает автор научной биографии баснописца: «И повседневное поведение, и авторский стиль Крылова оказываются подчинены логике “насмешника из-за угла”. Черты этой необычной жизненной позиции, превратившей Крылова в загадочного человека и загадочного писателя, обозначились, помимо прочего, в демонстративно-пренебрежительном отношении Крылова к принятым в обществе “приличиям” и светским нормам, подчеркивании в собственном образе жизни тривиальных “слабостей” – лени, обжорства, неряшливости» (3: 182).

Мнимая лень породила анекдот о картине, висевшей у Крылова дома: «У Крылова над диваном, где он обыкновенно сиживал, висела большая картина в тяжелой раме. Кто-то ему дал заметить, что гвоздь, на котором она была повешена, не прочен и что картина когда-нибудь может сорваться и убить его. “Нет, — отвечал Крылов, — угол рамы должен будет в таком случае непременно описать косвенную линию и миновать мою голову”» (6: 180–181). И.П. Быстров, автор «Отрывков из записок моих об Иване Андреевиче Крылове», свидетельствовал: «Он был беспечен и не скрывал от меня этой слабости. “А я, мой милый, ленив ужасно... Да что, мой милый, говорить... И французы знают, что я лентяй”» (цит. по: 5: 195).

Анекдоты о карточной игре имели под собой основание. Известно, что имя Крылова было вписано в реестр заядлых карточных игроков, составленный полицией по просьбе Екатерины II. В 1795 г. на какое-то время ему даже было запрещено жить в столицах. Анекдот же приписывает Крылову страсть к карточной игре в качестве единственного занятия в жизни, умаляя его литературную славу:

«Много лет спустя М.П. Погодин записал такой разговор:

- Чей это портрет?
- Крылова!
- Какого Крылова?
- Да это первый наш литератор Иван Андреевич.
- Что вы! Он, кажется, пишет только мелом на зеленом столе!» (6: 183).

Выпячивание житейских слабостей придавало Крылову черты простодушного чудака, что позволяло баснописцу избежать монаршего неудовольствия в тех случаях, которые для иных были бы непростительны. Об этом свидетельствуют еще два литературных анекдота. При встрече на Невском проспекте с монархом Крылов совершенно искренне и простодушно удивился редкости взаимных встреч:

«Раз он <Крылов> шел по Невскому, что была редкость, и встречает императора Николая I, который, увидя его издали, ему закричал: “Ба, ба, ба, Иван Андреевич, что за чудеса? – встречаю тебя на Невском. Куда идешь?” Не помню, куда он шел, только помню, что государь ему сказал: “Что же это, Крылов, мы так давно

с тобой не видались?” – “Я и сам, государь, так же думаю, кажется, живем довольно близко, а не видимся”» (6: 179–180).

И это же крыловское простодушие позволило баснописцу объяснить монарху свое появление на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. любопытством к пожару (это реальный факт биографии Крылова, который неотличим от литературного анекдота).

Одной из современных беллетризованных биографий Крылова является книга М.А. Гордина «Жизнь Ивана Крылова, или Опасный лентяй». Ее первая часть основана на документальных биографических сведениях, а вторая представляет собой попытку разгадать смысл биографических загадок. Размышления автора опираются на цитаты из воспоминаний современников, и в этих суждениях содержатся элементы крыловского биографического мифа: трудное и трудовое взросление, критический склад ума, гордая независимость и нонконформизм в молодости, с одной стороны, и леность, неряшливость, чудачества и чревоугодие как образ жизни позднего Крылова – с другой. Так, для иллюстрации нужды в ранние годы биограф прибегает к суждению П.А. Вяземского: «Самая первоначальная обстановка жизни Крылова может несколько объяснить его самого. Он родился, вырос и возмужал в нужде и бедности; следовательно, в зависимости от других. Такая школа не всем удается. На многих оставляет она, по крайней мере надолго, оттиск если не робости, то большой сдержанности» (цит. по: 5: 116).

Такой значимый элемент биографического мифа, как «мифема» (языковая формула), у Крылова есть: именование «великий баснописец», которое почти утратило свою образность и превратилось в шаблонное выражение, с легкой руки В.Г. Белинского: «<...> истинным своим торжеством на святой Руси басня обязана Крылову. Он один у нас истинный и великий баснописец: все другие, даже самые талантливые, относятся к нему, как беллетристы к художнику» (1: 148).

Другое устойчивое именование, «дедушка Крылов», отражает почти родственное восприятие писателя массовым сознанием. «Дедушка» – это и дань возрасту, и отражение состава большой группы читательской аудитории: по давней традиции басни Крылова входят в круг детского чтения, хотя и не предназначены исключительно для детей.

На реализации этой метафоры-мифемы построены два произведения для детей – сказка Саши Черного «Люся и дедушка Крылов» и рассказ Юрия Яковлева «Внучка Крылова». Композиционную структуру сказки Саши Черного составляют два сна девочки Люси, русской эмигрантки в Париже, с участием «дедушки Крылова». В этих снах речь идет о широко известных баснях Крылова, которые девочка пытается проверить на опыте (будет ли есть лиса сыр и т.п.). В начале сказки девочка рассуждает о специфике жанра басни с точки зрения ребенка: «Потом стала думать о баснях. Как будто стихи и как будто не стихи. И все разговоры, а в конце “мораль”. Мораль – это, должно быть, выговор за плохое поведенье... “А я бы повару иному велел на стенке зарубить...” И почему-то одни строчки в сантиметр, а другие длинные-длинные, как дождевой червяк... Вот только “Стрекоза и муравей” вся ровненькая...» (7).

Мифема «дедушка Крылов» реализуется в этой сказке в диалоге девочки и баснописца в сне: «У меня вас, внучат, – миллион и один. Стало быть – дедушкой и зови» (там же).

В рассказе же Юрия Яковлева «Внучка Крылова» (1974) метафора «дедушка Крылов» расширяется в буквальном, почти что в бытовом смысле: у дедушки должны быть внуки, и эту роль простодушно выбирает немолодая жительница провинциального городка, Мария Ниловна. Ее убежденность в родстве с великим баснописцем подкрепляется внешним сходством, которым ее по какой-то случайности наделила природа: «Когда мы переступили порог дома и навстречу нам поднялась хозяйка, я изумлено замер: передо мной собственной персоной возник Иван Андреевич Крылов, только здравствующий, в женском обличии. Те же кустистые брови, нависшие над ленивыми и в то же время внимательными, широко расставленными глазами с холодком, дряблые щеки, маленький подбородок, за которым следовал большой, широкий, скрывающий шею. Даже волосы были подстрижены по-мужски коротко и зачесаны вперед белыми клочьями. Я долго не мог оторвать глаз от внучки великого баснописца. Когда же мне это наконец удалось, я увидел на стене портрет, вернее, литографическую копию знаменитого портрета Брюллова. Из багетовой рамы на меня смотрел Иван Андреевич Крылов. Я перевел взгляд на хозяйку – мне не удалось найти разницу в лицах деда и внучки» (9: 69).

Убежденность Марии Ниловны в своем родстве с Крыловым поддерживалась лишь, кроме удивительного внешнего сходства, словами отца, произнесенными в Летнем саду: «Мы с отцом ездили в Петербург, к тетушке. Отец повел меня в Летний сад. Вдоль аллели стояли мраморные статуи. И я все беспокоилась, что им, голым, холодно. Потом мы подошли к памятнику. В чугунном кресле сидел задумчивый старик. А у его ног – звери: осел, козел и косолапый мишка. Мне показалось, что старик спит, и я тихо, чтобы не разбудить его, спросила отца: “Кто это?” Отец ответил: “Это дедушка Крылов”. Вот и вся история...» (9: 71–72).

Слова «Вот и вся история» еще раз возникнут в этом рассказе, завершая его. Рассуждения рассказчика оберегают Марию Ниловну от возможных обвинений в корысти или в честолюбии: ей вполне хватало славы и популярности в маленьком провинциальном городке: «Детское заблуждение, которое сопутствовало Марии Ниловне долгие годы, окрашивало ее жизнь романтическим светом» (9: 72). Поскольку никакого корыстного умысла у пожилой дамы, в отличие от известных в советской литературе по роману Ильфа и Петрова «детей лейтенанта Шмидта», рассказчик не обнаружил, то вся эта история с мнимым родством под пером Юрия Яковlevа приобретает характер бытового анекдота, вполне в духе самого Крылова. Писатель вспоминает свои детские впечатления от памятника Крылову в Летнем саду, и реализованная метафора гиперболизируется: «Этот памятник и сегодняшние ленинградские ребятишки называют “дедушкой Крыловым”. И все считают себя его внуками» (9: 72). Из фактов биографии Крылова в рассказе Юрия Яковлевы упоминается служба в Публичной библиотеке и смерть от заворота кишок. Здесь писатель делает небольшое замечание, показывающее укорененность в массовом сознании биографического мифа о Крылове: «Я жадно ловил каждое ее слово, хотя все, о чем рассказывала Мария Ниловна, мне было известно еще со школьной скамьи» (9: 70).

И хотя советский детский писатель Юрий Яковлев вряд ли был знаком со сказкой Саши Черного, в их произведениях о Крылове можно обнаружить немало общего. Это и общие школьные знания о Крылове, мало затронутые идеологическим влиянием, и мифема «дедушка Крылов». Героини сказки Саши Черного и рассказа Юрия Яковleva принадлежат к разным возрастам челове-

ческой жизни – юности и старости, которым одинаково свойственны простодушие, наивность и вера в чудо. Девочка Люся считает вполне вероятной беседу с классиком, а девочка-пионерка из рассказа Юрия Яковлева называет Марию Ниловну «дедушкой Крыловым», укрепляя уверенность пожилой дамы в своем родстве с баснописцем. Детское восприятие мира открывает в этих произведениях о Крылове евангельский мотив («Будьте как дети»), что вряд ли входило в замысел Юрия Яковлева. Но евангельский подтекст, несомненно, присутствует и в сказке, и в рассказе, где упоминаются басни Крылова, о чем свидетельствует родственность жанра басни евангельской притче, также говорящей в иносказательной форме о вечных нравственных ценностях. В православном дискурсе притча наделяется духовностью, а басня душевностью, их жанровое сходство сомнению не подвергается.

Баснописец выступает в своем творчестве и как психолог, и как социальный педагог, и как выдающийся мастер слова. Литературный критик В.Г. Белинский, определяя роль И.А. Крылова в развитии русской литературы, предполагал: «Слава же Крылова все будет расти и пышнее расцветать до тех пор, пока не умолкнет звучный и богатый язык в устах великого и могучего народа русского» (1: 151). И действительно, вклад Крылова в развитие русской литературы, в формирование русского литературного языка и в развитие жанра басни трудно переоценить. Народная любовь к баснописцу выразилась и в установке памятника «дедушке Крылову» в Летнем саду Петербурга в 1855 г., деньги на который были собраны по подписке. Установка памятника знаменовала собой закрепление биографического мифа в скульптуре и иконографии. Живописные и скульптурные же изображения великого баснописца, так же как и иллюстрации к его басням, начали создаваться еще при жизни Крылова: «В салоне Оленина – президента Академии художеств – Крылов встречался со многими художниками (портреты Крылова писали О.А. Кипренский, А.О. Орловский, К.П. Брюллов и другие видные мастера; издания басен Крылова, для которых иллюстраторов и граверов подбирал Оленин, относятся к числу шедевров русской полиграфии)» (3: 183).

Крыловский биографический миф имеет меньшее количество мифологем по сравнению с биографическим мифом Пушкина или же Достоевского, но он существует, несмотря на то что подробности

биографии великого баснописца широкой публике менее известны, чем его басни. Существование биографического мифа находит подтверждение в литературных анекдотах о Крылове и в именовании (мифеме) «дедушка Крылов», которое было развернуто в произведениях для детей (в сказке «Люся и дедушка Крылов» Саши Черного и в рассказе «Внучка Крылова» Юрия Яковleva). Несмотря на то что один из авторов принадлежит к литературе русского зарубежья, а другой – к советской литературе, в сказке и рассказе, соответственно, прослеживаются черты крыловского биографического мифа, что свидетельствует о его действенности. Крыловский биографический миф поддерживается также беллетристизированными и научно-популярными биографиями И.А. Крылова (2; 4; 5).

1. Белинский В.Г. Басни Ивана Крылова // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 4. Статьи и рецензии 1840–1841. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 147–153.
2. Гордин А.М. Крылов в Петербурге. Л.: Лениздат, 1969. 332 с.
3. Гордин М.А. Крылов // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 177–183.
4. Гордин М.А. Жизнь Ивана Крылова. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. 336 с.
5. Гордин М.А. Жизнь Ивана Крылова, или Опасный лентяй. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2008. 240 с.
6. Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века / Вступ. ст. Е. Курганова; сост. и прим. Е. Курганова и Н. Охотина. М.: Материк, 2003. 312 с.
7. Черный Саша. Люся и дедушка Крылов. – Режим доступа: skazki.rustih.ru
8. Шеметова Т.Б. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 2–3.
9. Яковлев Ю.Я. Внучка Крылова // Яковлев Ю.Я. Самая высокая лестница. М.: Детская литература. 1974. С. 68–72.